

В художественных текстах используется все многообразие атрибутивных конструкций, при этом они выполняют, в основном, образно-познавательную и идейно-эстетическую функцию.

А. Клинцева

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО И ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ

Безличные конструкции, реликты активного строя индоевропейских языков, предполагают морфологическую оформленность сказуемого в виде 3sg и отсутствие его согласования с элементом предложения, занимающим позицию подлежащего (обозначенным вин./дат. падежами). Отражаемые подобным образом динамические фрагменты действительности видятся с позиции некоторого участника, не обладающего контролем над разворачивающимся положением дел, но который является пассивным субъектом восприятия. Исследуемые типы безличных конструкций на ранних этапах их развития представляются частью категориальных доменов объективного и субъективного бытия, выделяемые на основании стихийности происходящего и отсутствия возможности его регуляции.

Рассматривая многоаспектную денотативную область состояния и исходя из лексической семантики глаголов, моделирующих ситуации физических ощущений, можно выделить набор компонентов, связанных между собой отношением Воздействия: устанавливаемые отношения от его Источника к Испытываемому. Из 7 проанализированных древнеанглийских глаголов, способных образовывать такие безличные конструкции, только 3 ((*ge*) (*eglian*) 'to feel pain', (*ge*)*yfelian* 'to feel bad', (*ā*)*prēotan* 'to feel tired') открывают позиции для эксплицитированного Источника который может реализовываться в поверхностной структуре предложения. В большинстве случаев Источник подразумевается, он имплицитирован в семантике самих глаголов (*hyngrian* 'to be hungry', *calan* 'to be cold'), и отсутствие его манифестации в поверхностном уровне предложения концептуализирует происходящее как нечто спонтанное. В древнескандинавском обнаруживаются глаголы со схожей семантикой (*hyngra*, *kólna*) и, соответственно, участниками ситуаций, отражение которых практически не изменилось ввиду консервативности языковой системы; в современном исландском наблюдается утрата падежной семантической мотивированности: постепенная замена аккумулятива, некогда кодирующего степень серьезности воздействия, на датив (*Dative Sickness*).

Тенденция среднеанглийского периода к помещению *hit* в позицию подлежащего и смещение Испытываемого в позицию дополнения (с целью уточнении направления воздействия со стороны Источника) не наблюдается с безличными конструкциями физического состояния, поскольку они не удовлетворяют требованию наличия эксплицитированного выраженного Источника в виде придаточного предложения. Учитывая компоненты значений

каждого из глаголов, можно говорить об индивидуальных путях их дальнейшего развития в условиях падения падежной системы, тенденции к более жесткому порядку слов и фиксации подлежащего на первом месте: так, например, ввиду имплицированности Источника в глаголах *hyngrian*, *þyrstan* фокус сохраняется на живом существе, подвергающемся спонтанному воздействию, благодаря оформлению такого значения как адъективной конструкции с *to be*, то есть, помещение центра эмпатии на наиболее активном элементе динамической ситуации.

Л. Ковалева

СТАТУС СЛОЖНОСОСТАВНОГО БЕССОЮЗНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале русского и немецкого языков)

Тема бессоюзного сложного предложения в русистике и германистике является недостаточно изученной. До 50-х годов XX в. такие предложения относились к сложносочиненным или к сложноподчиненным.

Бессоюзные сложные предложения (БСП) в русском языке рассматривались только как предложения с «опущенными» союзами. Впервые бессоюзные предложения в русистике были признаны благодаря Н. С. Пospelову. Он доказал, что подстановка в бессоюзное сложное предложение по смыслу сочинительного или подчинительного союзов недостаточно универсальна либо вообще невозможна. Данным вопросом также занимались и другие русисты. Например, В. В. Виноградов отмечает, что степеней зависимости друг от друга структурных частей в сложном предложении много, и провести резкую границу между сочинением и подчинением часто представляется невозможным. И. Н. Кручинина рассматривает бессоюзные сложные предложения как квази-предложения, не имеющие своей синтаксической формы. С. О. Карцевский считает, что бессоюзные сложные предложения являются особой структурно-семантической конструкцией, в которой сочинительная и подчинительная связи могут пересекаться. В. А. Белошапкина считает, что при различии БСП и последовательности отдельных высказываний следует принимать во внимание наличие у сложного предложения определенной структурной схемы, тех или иных ограничительных правил сочетания предикативных единиц.

Так же, как и в русистике, в германистике существуют разногласия относительно статуса бессоюзного предложения. В немецком языке бессоюзие относится большинством грамматистов к одному из способов связи. Но при рассмотрении БСП как разновидности сложносочиненного и сложноподчиненного предложений рассматриваются не структурные особенности таких предложений, а смысловые отношения между частями. А при рассмотрении смысловых отношений между частями не показываются все различия, так как некоторые смысловые отношения могут выражаться и